

ГЛАВА 1

На протяжении долгих веков Храм руин оставался заброшен и необитаем, поскольку существовало негласное правило, согласно которому ни единая живая душа не должна была проникнуть внутрь сумрачной пагоды. По легенде, там обитали ужасные зубастые твари — порождения ночи, готовые наброситься на любого, ступившего на порог. Если кто-то думал, что боги придут им на помощь, они ошибались. И все же я невольно творила про себя молитву, когда моему взору предстал этот проклятый храм, который Конранд Калмин сделал целью нашего ограбления.

Я совсем не удивилась, что ответом на мои молитвы была тишина. Даже боги покинули нас, утомившись от людских проблем. Их больше не было рядом с нами. Никого... Даже токкэби не удостаивали своим вниманием королевство Сунпо. Я была одна. Совсем одна. Как и всегда...

Вспомнив, кто именно станет жертвой моего сегодняшнего преступления, я невольно вздрогнула. Но, может, то, что я совсем одна, даже к лучшему?

У меня живот скрутило от волнения. Стоя на соседнем от храма строении, я посмотрела на багровую крышу святилища — она поблескивала в свете месяца. Кроваво-красные колонны и чернильно-черное навершие тянулись ввысь, будто намеревались достать до еле видимых звезд, мерцающих над королевством.

Я пробиралась через каждую расщелину полуразрушенной территории Восточного континента мимо постоянных дворов, домов, нищих лачуг. Если бы эти испытания выпали не на мою долю, то обо всем происходящем я узнала бы из рассказов Сана или близняшек. Но ни Сан, ни близняшки никогда не были в этом храме.

Покусывая нижнюю губу, я проверила, на месте ли кинжал. Он был, как обычно, на поясе. Я взглянула на пока- тую черепичную крышу перед собой, убеждая себя в том, что все должно пройти гладко.

Ради Ынби...

Я бежала так быстро, что всё вокруг словно смазлось, и леденящий ветер хлестал меня по лицу. Потом ощутила чувство невесомости, все мое нутро сжалось, и я начала па- дать вниз.

Багровая крыша пагоды становилась все ближе и ближе.

Я ухватилась одной рукой за изогнутую красную чере- пицу. Стараясь не замечать, что левая нога ноет от ужасной боли, вызванной порезом от кинжала, подавляя боль и сто- ны, я попыталась взглянуть на кронштейны пагоды, находя- щиеся внизу. Они располагались в четырех метрах под про- валом в крыше.

«Не так уж и высоко», — подумала я.

Мои сапоги с грохотом попадали на землю. Следующий прыжок — и я уже пролетом ниже. Еще момент — и я пере- летела через конструкцию, похожую на перила, и приземли- лась на деревянный пол.

Нельзя было терять ни минуты. Драгоценный приз Калмина все еще ждал меня.

Увидев окно, через которое можно пролезть внутрь, я дотронулась до него пальцем. Размер был подходящий. Что, естественно, не могло не радовать.

Я с размаху ударила по стеклу в надежде, что оно под- дастся. Но окно не разбилось, а лишь треснуло. Я стиснула зубы. Такое тонкое стекло должно было сразу расколоться, не могло возникнуть никаких проблем. Но, по-видимому, годы работы на Калмина, невыносимые условия и постоянное не- доедание высосали из меня все силы... и, кажется, сделали меня еще злее.

С дикой яростью я вонзила лезвие кинжала в стекло, и тысячи осколков полетели вниз.

— Наконец-то! — пробормотала я.

Страхивая с волос стеклянные крошки, я всмотрелась в открывшийся вход в Храм руин, но ничего не видела в непроглядной темноте.

Несложно поверить, что когда-то храм был местом поклонения Крысолону — токкэби, который пользовался в народе дурной славой. Он правил Тремя королевствами Восточного континента. А когда боги покинули нас, он стал владыкой и мира смертных, и мира токкэби...

Проклиная всё и вся, я ухватилась за подоконник и перекинула через него ноги. Хотя и было темно, но мне казалось, что прямо подо мной находится пол. Чуть оттолкнувшись, я прыгнула с края подоконника вниз.

Проклятия наполнили храм, когда я поняла, что пол подо мной есть, только... пятнадцать метрами ниже. Я падала сквозь тьму, еле уворачиваясь от встречных преград, чтобы не повредить голову.

Приземлившись наконец и сделав кувырок, чтобы смягчить удар, я представила, как пронзаю Калмина огромным мечом. Боги, как же я мечтала, чтобы его закинуло в глубины Чосына¹ за то, что послал меня сюда! Будь он проклят за то, что в обмен на мои страдания хотел получить свой маленький утешительный приз.

Острая боль пронзила мою ногу, когда я попыталась встать и достать зажигалку из кармана. Мне все же удалось зажечь ее, и мерцающий свет осветил пространство вокруг.

Однако Храм руин оказался совсем не таким, каким я его себе представляла...

Я ожидала увидеть дворец с закручивающимися спиралью винтовыми лестницами, обставленный роскошной мебелью, весь насквозь пропитанный зловещим предчувствием. В действительности же пространство больше походило на просторную комнату. К моему удивлению, тут было пусто,

.....
¹ Мир мертвых/преисподняя. Здесь и далее примеч. пер.

если не считать огромного слоя пыли на моей одежде и маленького черного сундука, стоявшего в центре комнаты.

Никаких призраков, только тишина и небольшой сундук, — я едва удержалась от недоверчивого смешка.

Храм руин оказался не более чем обыкновенной пустой комнатой. Это можно было считать доказательством того, что токкэби уделяют мало внимания своим владениям здесь. Да и зачем? Бессмертным и без того есть чем заняться в их собственном царстве Кельчхон.

Немного прихрамывая, я подошла к сундуку, в котором, как предполагалось, лежал гобелен — то самое сокровище, что Калмин так отчаянно желал получить. Я сдула с него толстый слой пыли и еле сдержала чих от поднявшегося облака.

На сундуке висел черный, как копоть, замок с выгравированными серебряными надписями. Я не сразу распознала знаки, но, возможно, это был древний язык времен правления богов. Судя по виду, замок не представлял для меня большой проблемы, я взломала уже сотни, а то и тысячи замков.

И все же что-то меня останавливало.

Ведь я заявила к самим токкэби, чтобы украсть то, что по праву принадлежит им... Что, если после этой кражи меня настигнет гнев Крысолова? Вдруг он выманит меня мелодией своей волшебной флейты и расправится со мной так же, как и со многими другими?

Какое-то странное чувство удовлетворения закралось в мою душу.

Если Крысолов явится, я расскажу, что идея отправить меня сюда принадлежит Калмину и его шайке Чернокровых. И если я сгину, то только вместе с ними.

Улыбаясь собственным мыслям, я плавно ввела кончик клинка в замочную скважину, потом повернула... Да! Получилось!

Замок открылся с мелодичным щелчком, и я медленно подняла крышку. Едва свет упал на содержимое сундука,

я поняла, почему из-за этого гобелена столько шума. Он был великолепен!

В свете пламени гобелен сверкал множеством красок — между стежками были вшиты маленькие мерцающие драгоценные камни. Их были тысячи!

Резко втянув в себя воздух, я подняла гобелен дрожащими руками. Он был не тяжелее маленького ребенка, да и выглядел не больше придверного коврика.

Я вдруг почувствовала, как мелкие камушки впиваются в плотную ткань моих перчаток, и тут сердце начало бешено колотиться. Боги... Все эти драгоценности были из царства Кёльчхон, которое токкэби надежно скрыли от человеческих глаз, и даже драгоценности из королевства Октари на Южном континенте не могли сравниться с ними. От одного только прикосновения к этим камням голова шла кругом, а в памяти возникал образ кудрявой девчушки с небольшой щербинкой между зубами и заразительным смехом — Ёнби...

Интересно, какие последствия ждут меня, если я решусь взять гобелен и сбежать? Возможно, с помощью этих камней я смогу освободить людей в горах Йэпак. Нет, не смогу... Калмин отдаст приказ убить мою сестру задолго до того, как я доберусь до ее школы. У меня сжималось горло каждый раз, когда я представляла свободную и беззаботную жизнь вместе со своей сестрой. Сунув гобелен под мышку, я закрыла опустевший сундук, да так, что громыхнуло по всему заброшенному храму.

Если Калмин хочет заполучить эти сокровища, он их получит. Как и всегда...

Пробираясь ночными улицами королевства Сунпо, я не могла избавиться от мысли, что темноволосая богиня Луны Даллим внимательно наблюдает за мной.

ГЛАВА 2

— Прекрасно, — сказал Калмин, медленно отходя от стола красного дерева, где лежал сверкающий гобелен.

Рядом с ним стояла его помощница и правая рука, Асина. Несмотря на холодный взгляд, даже она не смогла скрыть благоговения, охватившего ее при виде гобелена.

Я тоже покосилась на вещицу и только тут поняла, что все это время была озабочена лишь тем, как украсть гобелен, и почти не замечала, насколько он прекрасен.

На ткани был изображен сад, полный света и мерцающей синевы. Между пестрыми цветами и травинками затаилась оранжевая змея с блестящими глазами-камушками; на безоблачном небе парила белая птица, окруженная маленькими полумесяцами из кусочков серебра, которые отбрасывали неземное сияние на сад внизу.

Я выдохнула. Калмин оказался прав... Гобелен действительно был великолепен. Им можно было любоваться вечно. Возможно, этот сад принадлежал богу цветов Халлакунги. В легендах он описывался как вечноцветущий и живой. Я невольно заулыбалась, представляя себе Халлакунги стоящим среди лотосов и хризантем.

Я смутно различала слова, которые произносил Калмин, его голос звучал приглушенно, будто из-под воды. Но я старалась не вникать, все мое внимание было приковано к маленьким красивым камням и завораживающему лунному свету.

Треск...

Внезапная вспышка боли заставила меня пошатнуться — щеку словно обожгло. Я осторожно прикоснулась к ней и в ярости сплюнула на пол.

Асина, проклятая тварь, дала мне пощечину.

Мое лицо перекошилось от гнева. Но эта стройная, наголо стриженная женщина не выказывала абсолютно никаких эмоций. Ее круглые, словно рыбы, глаза смотрели с холодным отвращением. Правая рука подрагивала, словно готовясь вновь ударить.

— Советую тебе слушать внимательнее, — надменно произнесла она.

Я выпрямилась, но тут же заметила предостерегающий взгляд Калмина.

Конранд Калмин отличался безжалостностью и жестокостью. У него были волосы цвета ржавчины, кожа — как только что выпавший снег, а глаза — темные, хитрые, расчетливые...

«Боги, дайте мне сил», — взмолилась я про себя. Даже такой хладнокровной убийце, как я, требовалось самообладание, чтобы стойко выдержать его пристальный взгляд.

Ему было около тридцати лет. Поговаривали, что он из обеспеченной семьи, проживающей в суровом ледяном королевстве Бригвалла на Северном континенте. Также ходила легенда, что Калмин родился с ножом в руках и сразу убил свою мать, потом отца, а затем и акушерку.

В былые времена я с насмешкой относилась к этой истории, но теперь, после знакомства с этим человеком и работы на него... Что ж, мне стало ясно, как зародилась эта сказка.

— Ты что, не слушала меня? — прошептал он, склоняясь ко мне.

Задрожав, я стиснула зубы до боли, до скрипа.

Я слышала его голос каждый день, но так и не привыкла к его издевке над языком моего континента. Мелодичные, выразительные слова звучали в его устах сухо и отрывисто. Видно было, что ему доставляет нездоровое удовольствие потешаться над нашим языком. По большому счету, я могла бы стерпеть такого рода насмешку, но все мое лицо начало гореть адским пламенем.

«Вот же ублюдох», — подумала я.

— Отвечай! — Его тон, жесткий и острый, как отточенное лезвие, заставил забыть о тошнотворно сладких речах, которые звучали секунду назад. — Ты не слушала меня, Син Лина? — В едком вопросе звенела опасность.

Впившись ногтями себе в ладонь, я еле выдавила:

— Слушала.

— А-а-а... — изогнув тонкую бровь, протянул Калмин. — Ты не в том положении, чтобы лгать мне! Ты и сама понимаешь это. — Он наклонил голову, и его змеиные глаза сверкнули зеленым светом. — Скажи мне, кто ты?

Я сдерживалась изо всех сил, чтобы не попортить его белоснежное личико, пока кроваво-красные губы произносили слова, которые не смогла выговорить я.

— Ты — Жнец, лучший убийца Сунпо, и тебе удалось самое впечатляющее ограбление.

Мертвая, холодная улыбка не сходила с его лица.

Глубокая тишина накрыла все вокруг. Мое сердце замерло, а ум пытался зацепиться за каждое сказанное им слово.

Ограбление. Весь мир замер после этого слова, все вокруг окрасилось в красный цвет.

Красный, потому что именно этот цвет я видела в Доме Когтей, когда все пошло не по плану. Цвет, который сочился из тел членов моей банды, моей семьи. Красный, потому что это был последний цвет, который я увидела до того, как к моему лицу грубо прижали тряпку — тяжелую, пропитанную горьким запахом снотворного, — и все медленно начало погружаться во тьму.

С огромным усилием мне удалось преодолеть желание перемахнуть через стол, тем самым поставив под угрозу все, что у меня осталось.

Калмин с Асиной обменялись взглядами. И у меня внутри все сжалось.

У меня получится!

Но только моя рука потянулась к кинжалу, как я вспомнила об Ынби... Ынби, с ее веснушками и яркими глазами.

Ынби с ее безмерной любовью к сладкому и смехом, похожим на звон колокольчиков.

Ынби. Моя Ынби. Такая невинная, такая милая, не тронутая жаждой крови. Она еще маленький чувствительный ребенок, не познавший вкуса этой жизни.

У нее есть шанс стать той, кем я никогда не стану.

— Будь хорошей девочкой, ладно? — Калмин медленно обошел стол. — Завтра ты встретишься с одним из моих октарианских покупателей в Фингертрапе и передашь ему драгоценности в обмен на деньги. Если он откажется, убей его. — Калмин вперил в меня взгляд, от которого бросало в дрожь. — Если он будет колебаться, убей его. И если он попытается дать тебе меньше оговоренной суммы...

— Дай угадаю... — ледяным тоном перебила я, глядя на подсматривающую за нами луну. Интересно, слышит ли богиня Даллим, давно покинувшая чертоги нашего смертного мира, мои непрекращающиеся молитвы? — Убить его.

— Я найду других, более выгодных покупателей. Октарианцы всегда жаждут камней, и у них есть на это деньги. А это — это драгоценности Токкэби, и я не возьму за них меньше, чем они стоят на самом деле. Похоже, даже тебя заинтересовал гобелен. — Что-то в его голосе заставило мое сердце уйти в пятки. И что бы ни случилось дальше, это точно было не к добру. — Я позволю тебе самой изрезать его. Твой кинжал ведь все еще у тебя?

— Изрезать? — растерялась я. — Но зачем?

Изображение красивого сада, кропотливые мелкие стежки — это не то, что нужно октарианским покупателям. Им нужны были лишь камни, а не искусство.

— Так сделай это сам, — высокомерно сказала я.

— Лина-Лина... — с пугающим смехом произнес он. — Если драгоценности не будут отделены от гобелена, я не смогу получить свои деньги. А если я не получу свои деньги, то для тебя все обернется очень плохо. Как и для твоей сестры.

Хоть я и привыкла уже слышать эту угрозу, каждый раз меня бросало от нее в дрожь.

Калмин указал на свой стол.

— Проследи, чтобы все было сделано к восходу солнца, — сказал он, переводя взгляд на Асину. — Проследи за ней.

На ее лице появилось выражение раздражения и досады, и я испытала от этого злорадное удовольствие. Делано улыбнувшись Асине, я решила растянуть уничтожение гобелена на всю оставшуюся ночь.

Спустя несколько часов кропотливой работы у меня адски заболели глаза.

Асина чуть было не уснула в кресле Калмина, но быстро пришла в себя с первыми лучами солнца и снова стала буравить меня пронзительным взглядом.

На гобелен были нашиты сотни драгоценных камней, и все они теперь лежали на охалке разорванных нитей. Прекрасный сад превратился в россыпь разноцветных камушков. У меня сжалось сердце. Я понимала, что это неправильно, совершенно неправильно... Но что мне оставалось делать?

Не могла же я пожертвовать жизнью сестры ради гобелена.

— Все.

Закончив работу, я поднялась и, не дожидаясь ответа Асины, вышла за дверь.

Я ожидала, что она потребует убрать за собой все обрывки, но, к моему удивлению, женщина не стала этого делать. Я без помех прошла узкими коридорами, которые уже год как являлись моей тюрьмой.

Стены были увешаны бесценными фресками и картинами, взятыми, а точнее, украденными из всех музеев этого континента.

Я вошла в свою жалкую комнатку, не обратив никакого внимания на Чернокрового, стоявшего в нескольких